

РЕЦЕНЗИИ, КРИТИКА, БИБЛИОГРАФИЯ

DOI: 10.17223/22274200/19/6

**Детский мир от первого лица.
Рецензия на книгу: Словарь детства: говоры Среднего Приобья (с лингвокультурологическим комментарием) / Н.А. Агапова, С.В. Волошина, Т.А. Демешкина, С.С. Земичева, М.А. Толстова, И.В. Тубалова, М.М. Угрюмова, под ред. М.М. Угрюмовой. Томск : Изд-во Том. ун-та, 2018. 210 с.**

Словарь является первым опытом представления лексических и фразеологических единиц, относящихся к «детской» сфере традиционной культуры. Цель словаря – описание детства конкретной локальной традиции, отраженной в языке ее носителей, а также особенностей кре-

стьянского мировидения. Источники словаря – записи живой устной речи, сделанные в ходе диалектологических экспедиций сотрудников и студентов филологического факультета Томского государственного университета. Для диалектологов, культурологов, этнографов, историков, краеведов и всех, кто интересуется народно-речевой культурой.

Детский мир начала и середины прошлого столетия в интерпретации диалектоносителя – это уникальная лингвокультурологическая реконструкция томских лексикографов. «Словарь детства: говоры Среднего Приобья», подготовленный Н.А. Агаповой, С.В. Волошиной, Т.А. Демешкиной, С.С. Земичевой, М.А. Толстой, И.В. Тубаловой, М.М. Угрюмовой [1], впервые представляет детство как одну из базовых концептосфер русской лингвокультуры на материале ее локального воплощения. Источниками такого материала стали известные томские диалектные словари: «Словарь русских старожильческих говоров средней части бассейна р. Оби» (1964–1967) и его До-

полнение (1975), «Мотивационный диалектный словарь» (1982–1983), «Среднеобский словарь (Дополнение)» (1983–1986), «Полный словарь сибирского говора» (1992–1995), «Вершининский словарь» (1998–2002), «Словарь образных слов и выражений народного говора» (2001), «Полный словарь диалектной языковой личности» (2006–2012), регулярно пополняемый Томский диалектный корпус, созданный в 2017 г., этнографические работы, экспедиционные записи устной речи диалектоносителей [1. С. 5].

Феномен детства, репрезентации которого исследованы учеными на материале философского, фольклорного и литературного текста [2], в томском словарном проекте представлен с позиций житейского опыта и народной аксиологии образцами живой речи сибирских крестьян. В них – семейные истории и личные судьбы, бытовые проблемы и социально-политические события, свой двор и свой край как фон воспоминаний о детстве, простых и пронзительно откровенных. Избранные составителями способы передачи звучания и композиционной организации диалектной речи позволяют сохранить ее аутентичность в таких текстовых фрагментах. Собранные умелой рукой составителя в большой лексикографический пазл под названием «Детство», эти материалы обеспечивают абсолютную достоверность словарного текста и удивительную силу его воздействия на читателя.

Томский «Словарь детства» – не первый пример включения «голо-са» диалектоносителей в лингвокультурологическую реконструкцию «детского мира». В формате научных статей, на которые во Введении ссылаются авторы словаря, отдельные культурно-исторические реалии детства описаны с опорой на их интерпретации в речи носителей говоров – тамбовских, оренбургских, амурских и др. (работы И.В. Поповичевой, П.А. Якимова и М.М. Кириной, Н.Г. Архиповой и А.В. Закирова [1. С. 4]). Из работ последних лет добавим к этому списку масштабное исследование Т.Г. Комиссаровой, которая реконструирует субъектно-объектный фрагмент концептосферы «Детство» в языковой картине мира вологодского крестьянина [3], рассматривает отражение языковым сознанием диалектоносителя таких значимых жизненных ситуаций, как начало бытия (рождение, крещение, имянаречение) и его окончание (болезнь и смерть ребенка) [4].

Томские лексикографы представляют данную концептосферу, объективированную в диалектном слове и дискурсе, во всем многообразии и пересечении составляющих ее параметров. Важнейшие поня-

тийные блоки концептосферы как конструкта, отражающего здесь сугубо житейское миропонимание, воплощены в основных компонентах макроструктуры словаря – его тематических разделах. Начало жизненного пути ребенка и ритуально-обрядовое сопровождение этого этапа представляют материалы, объединенные под заголовками «Появление ребенка. Беременность. Роды. Родильный обряд», «Обряд крещения», физические данные и психологические характеристики личности ребенка отражают номинативные единицы и контекстуальные иллюстрации разделов «Номинации по полу», «Возраст», «Развитие, физические параметры», «Характер и поведение ребенка». Маленький человек во взаимодействии с его малым «социумом» – тема раздела «Семья. Семейный статус ребенка». Развитие темы – в материалах, отражающих взгляды диалектоносителя на проблемы воспитания (в семье и детском учреждении), уход за ребенком, особенности питания детей. А еще словарь представляет читателю «Вещный мир» детства, его «игровое поле» («Детские и молодежные игры. Игрушки. Формы досуга») и языковое пространство («Детский лексикон», «Жанры детского фольклора»).

Иллюстративные контексты в каждом из разделов словаря подобраны таким образом, что пересечение временных планов прошлого и настоящего в оценочных суждениях диалектоносителей позволяет увидеть современные реалии сквозь призму традиционных ценностных установок народного сознания.

Так, информантами безоговорочно признаются преимущества современного «материального обеспечения» детства – качество питания и одежды, разнообразие игрушек, благоустроенный быт: *Жили без присмотру с сестренкой, кака уж там еда была <...> А счас можно жить. В магазине чё хошь покупай, ешь* [1. С. 157]; *Али игрушки каки у детей были, а таперь каких у них нету игрушек. А тода палку враскорячку и едешь, никого, никаких игрушек не было* [1. С. 101]; *У их большуишы были полати. А таперь кажному ребёнку коечка. А таперь уголья детям* [1. С. 21]; *Ребятишки и те по улицам наряднёхоньки бегают, а у нас разве ж так было. Голые ходили, рубашонки токо по праздникам надевали* [1. С. 22].

В высшей степени положительно и не без доли зависти оценивается доступность образования, широкие возможности познания мира, открывающиеся перед ребенком в настоящее время (*Небольшой пацан или девчонка лучинку поставит. Топерь дети счастливые, всё*

повидают [1. С. 40]), однако современные педагогические методы не выдерживают сравнения с «идеальной», проверенной на себе «пени-тенциарно» организованной системой образования и семейного воспитания: *Кого я училась – год. Но тогда учили совсем не так – строго и хорошо. В угол на коленки ставили. Тогда было строго и учились хорошо. Вот поставит в угол, и стоишь, и не смеешь оглянуться. Вот и вы будете учить, не слушайте их, ставьте в угол* [1. С. 159]; *Теперь и дети други пошли, непослуханы, раньше не такие были, боялися. Отец у нас строгий был. Ложкой по лбу бил* [1. С. 142].

Помимо результатов сопоставительной аксиологической деятельности диалектоносителя по линии «тогда – сейчас» лексикографы предлагают читателю и полную картину конкретной предметно-понятийной области «тогдашнего» мира детства в соответствующем разделе словаря. Например, тематически маркированный диалектный дискурс, иллюстрирующий лексику, разрабатываемую в разделе «Питание», позволяет сделать выводы о традиционных кушаньях сибирских крестьян, режиме питания в семье, представлениях о здоровой пище и вкусовых предпочтениях детей. Так, забота о питании ребенка представлена здесь как основная обязанность родителей. В этом смысле показательна интерпретация народным языковым сознанием внутренней формы глагола *воспитывать* в соответствии с исходным значением корня *пит-*, о чем говорит фиксация глагола в значении ‘кормить’: *Чем воспитывать стану, напою? < ... > Чем же ты их воспитывать будешь? Картошкой?* [1. С. 164].

Помимо картошки «воспитывали» рыбой (если посчастливилось жить у реки), овощами из огорода, кашей, которая, конечно же, была вкуснее, желаннее, чем сейчас: *Каши как мама наварит на всю ораву нашу. Ох и каша была. Рассыпчатая. Из печки достанет. А щас в кастрюлях-то не то совсем. Друго дело в горшках* [1. С. 165]. Лесные и полевые растения (*гусинки, кандык, лопух, пучка, сорочья ягода* (эти фитонаименования разрабатываются в отдельных словарных статьях)) были «подножным кормом», который дети добывали самостоятельно, о чем и рассказывают иллюстративные контексты. Здесь же – рецепты любимых овощных блюд, в том числе оформленных подизайнерски креативно и получающих при употреблении шутливо-ироническое речевое сопровождение: *Репу садили. И особенно зимой печку затопят и сидим. Репу разрежет и из них вырезали коняшек, потом ухо съешь, ножку съешь, хвостик съешь, туловище съешь.*

И такая вкусная репа была [1. С. 171]; Брюкву парили. Напярят двухведровый чугуун, печь русску затопят, туды ставили. Брюквы напярят, и ели, и говорили: «Ах, какие наши груши вкусные» [1. С. 164]. Парёнка – пареная брюква, репа, свекла, кручёнка – пропущенная через мясорубку ягода, сладкая сырая морковь, корни репейника (нарежу, как конфеты, ах, хрупоток раздается [1. С. 166]), – вот незатейливые лакомства, о которых вспоминают информанты. А сейчас нету этого. Щас одни конфеты да [1. С. 166]. В этой связи особенно много рассуждений о здоровье зубов ребенка, рекомендации молодым родителям, которые, как правило, не прислушиваются к мнению стариков: Сейчас воспитывают: парнишки обои без зуб. А у наших дак не выходят конфеты. Начну говорить: «Ребята, вы почто конфеты так много наладили?» А они говорят: «Хотят, так ешь» [1. С. 165–166].

И, тем не менее, диалектоносители щедро делятся знаниями о здоровом питании и пользе трав, представляют собственный опыт траволечебной профилактики, как, например, в следующей словарной статье, где этнокультурологически ориентированное толкование вносит ясность в вопрос о пищевом использовании растения:

ЛОПУХ. Растение репейник, молодые листья которого употреблялись в пищу. – *Вот мы раньше, когда малыньки были, когда только лопух взойдет, мы листья срывали. Сейчас зубов нет, а вот внука заставляю, он ес[т]. Очень лечебное растение. (Перв. Куян.) [1. С. 167].*

Лексикографы не только дают «возможность высказаться» носителям говоров, но и помогают раскрыться лингвокультурологическому потенциалу используемой ими лексики в ходе ее лексикографической параметризации.

Заглавное слово статьи или устойчивое сочетание, которое иллюстрируют в большинстве своем аксиологически маркированные контексты, получает экспрессивно-оценочную квалификацию посредством традиционных лексикографических помет:

ПОДКИДЫШЕК. *Ласк.* Ребенок, подкинутый чужим людям. <...> [1. С. 76].

СОПЛЮХА. *Пренебр.* Малолетняя девочка. <...> [1. С. 43].

СУРАЗЬЕ МЯСО. *Бран.* Внебрачный ребенок. <...> [1. С. 82].

ГОРЬКИЙ СИРОТА. *Экспр.* Ребенок, лишившийся родителей. <...> [1. С. 67].

С целью подчеркнуть самые разные эмотивно-оценочные нюансы семантики слова в описательные толкования тоже включается аксио-

логический компонент, репрезентируемый лексически: *ласковое обращение, бранное слово, ниже нормы* и т.п., как в приводимых ниже примерах:

ДОЧА. Ласковое обращение к дочери или обращение старшего по возрасту к лицу женского пола. <...> [1. С. 28].

ВАРНАЧКА. 1. Бранное слово по отношению к девочке. <...> 2. Отличающаяся непоседливостью, шаловливостью девочка. <...> [1. С. 139].

ЗАСКРЁБОК. О новорожденном ребенке с физическими параметрами ниже нормы. <...> [1. С. 173].

Наряду с толкованиями «от составителей» – описательными, синонимическими, отсылочными, широко используются средства контекстуальной семантизации лексики, когда слово опять предоставляется диалектоносителю, хорошо знакомому с обозначаемой реалией. Так, лаконичная формулировка, размещенная в зоне дефиниции, получает распространение в самых разных направлениях, например: КАТУШКА. *Ледяная горка с которой катаются на санках (в том числе дети).* <...>. Иллюстративные контексты представляют читателю дополнительные сведения о размерах, способе обустройства, особенностях использования ледяной горки: *Катушка – это маленькие скатки для детей <...>; Катушка. На саночках катались, на дровнях <...>; Зимой ребятишки на катушке катаются. Сперва коровьим калом вымажишь, а потом водой. Летит – юзжит только <...>* [1. С. 103]. ШКЕРЫ. *Детские, подростковые брюки <...>. О фасоне, материале, предназначении для холодной погоды узнаем в иллюстративной зоне статьи: Шкеры – они из полусукна, из какого-нибудь теплого материала <...>; А вот как у грузчиков, широкие, вот называли шкеры <...>; Чтоб снег не забрался, вот сюда делали резинку, и на валенки, на пимы вот так надевали <...>* [1. С. 183].

При необходимости профессиональную этнокультурологическую параметризацию лексика народных говоров получает в толкованиях, которые можно квалифицировать как толкования-комментарии. Они раскрывают предметное содержание этнографизма (ПОЛАТИ. *Настил из досок для сна, устраиваемый в избе под потолком между печью и противоположной ей стеной* [1. С. 190]), эксплицируют культурный фон слова или фразеологизма, связанный с самыми разными сферами духовного мира диалектоносителя: ИСПУГ, СПУГ. *По суеверным представлениям, болезненное состояние, вызванное*

злым духом или сглазом, выражается у детей в постоянном плаче, бессоннице, страхах [1. С. 176].

Собственно комментарии как отдельная параметрическая зона, завершающая словарную статью, разработаны особенно тщательно. Концепция лекстографического комментирования представлена авторами во Введении к словарю. Наличие лингвокультурологического комментария, как отмечается здесь, обусловлено целями создания словаря. Он содержит сведения об исчезающих духовных и материальных элементах традиционной культуры. Необходимость такой информации признается большинством диалектологов. Содержательная и формальная сторона комментария всякий раз определяется конкретным языковым материалом [1. С. 10]. Это положение словарной концепции реализуется в высшей степени мастерски, а вся система комментирования может служить примером воплощения творческой, свободной от штампов лексикографической мысли. В словаре представлены самые разные по типу комментарии. Комплексные – включают лингвистическую и экстралингвистическую (этнографическую, историческую, культурологическую) информацию. Например, комментируя наименования повитух (*бабка, бабница, бабушка*), авторы указывают на то, что эти слова восходят к сфере семейных отношений (таким образом актуализируется связь ребенка с принимавшей его женщиной), отражают возраст женщины – она должна быть более взрослой, опытной, чем роженица. Раскрываются базовые методы и средства, применяемые повитухами при родовспоможении – они обладают определенными медицинскими знаниями, но опираются и на народные суеверия, используют заговоры, молитвы. Подчеркивается, что женщины, умеющие принимать роды, пользовались в традиционной культуре особым уважением [1. С. 47].

Дифференцированные комментарии раскрывают определенный пласт культурной семантики слова, например социокультурный – у историзмов, культурно-бытовой у этнографизмов:

*ОКТЯБРИТЬ. Производить октябрины (революционный обряд) <...> * В первые годы после революции появилась идея создания особой безрелигиозной коммунистической обрядности. «Красная обрядность» была попыткой советской власти заменить традиционные религиозные обряды новыми гражданскими. Основные сценарии «красных» обрядов были разработаны вскоре после окончания гражданской войны* [1. С. 63].

*КАЧАЛКА. Качающаяся кровать для ребенка. <...> * Детская кровать такого типа располагается на полу, имеет опору в виде ножек или ползьев. Изготовлена из дерева. Приводится в колебательное движение ногой матери или няньки [1. С. 187].*

В качестве этимологического комментария предлагаются собственные разработки авторов словаря (статьи *КУВА, РУБАШКА, БОРОНА* и др.), этимологические версии, представленные в словарях В.И. Даля, М. Фасмера, А.Г. Преображенского, П.Я. Черныха (*ОРДА, САРЫНЬ, ЧЕЛЯДЬ, ЛЁЛЯ, СИРОТА, ГАВРИК* и др.), и, что особенно ценно в лингвокультурологическом плане, в контекстуальных иллюстрациях мы находим интерпретации происхождения родного слова диалектоносителями. Народное языковое сознание безошибочно определяет мотивировку производного слова, его производящую базу: *Ну обычно как, раз последний, то поскрёбыши зовут или последыши. Последний – вот и последыши [1. С. 88]; Зыбает, зыбает, вот и зыбка [1. С. 152]; Вот если девка нагуляет, ну без отца, то нагульный [1. С. 73].* Такая лингвоинтерпретационная деятельность затрагивает и метафорические наименования: *СВИНКА* (детское заболевание) <...>. *И всё это шею затягивало, опухало, краснота шла, и вот почему, наверное, и название такое болезни, потому что когда представляете свинью, у нее шеи нет, и вот ободок точно как у свиньи [1. С. 180]. МОЛОКОСОС* (о ребенке, который ведет себя не в соответствии со своим возрастом) <...>. *Молокососом лет четырнадцати называют. Дескать, молоко, наверное, сосет, а в чужие дела вяжется [1. С. 40].*

Подбор иллюстративного материала позволяет сделать выводы и о других параметрах «лингвистической компетенции» диалектоносителей: они осознают стилистическую окраску слова, его эмотивно-оценочную функцию: *А которые дети запрещены, или как вы говорите незаконны – они суразята – токо это ругательско слово [1. С. 69]; Суразница – это позорно слово [1. С. 81].* Способность дифференцировать лексику по актуальности (устаревшая – современная) проявляется в следующих высказываниях: *Мы его [отца] тогда не папой звали, а «тятей». Это счас «папой» зовут [1. С. 82]; Если неженатый, называют холостяк и парень, сейчас юнош зовут, а мы раньше понятия не имели [1. С. 25].* В актах языковой рефлексии четко разграничивается общерусская («россейская») и региональная, диалектная лексика («как туточка говорят»): *Россейски «люльки» называли, а*

мы – «зыбки» [1. С. 188]; *Когда сглазят робёнка, или как туточка говорят – урок. Урочивали* [1. С. 181]. При этом диалектная лексика оценивается современными носителями говоров не только как устаревшая, но и как не соответствующая литературной норме, «некультурная»: *У нас так говорили, например, в прошлом году – лонись, на днях – намнясь. А счас уж культурно стали говорить, так не говорят* [1. С. 38].

Что имеем – не храним? Нет, к счастью, это не тот случай. Убедительное подтверждение этому – «Словарь детства», изданный в Томске, образец бережного сохранения по-настоящему культурной, народно-культурной речи, с ее системой образов и оценок, особым звучанием и непрдуманными сюжетами. Избранная составителями форма репрезентации диалектного слова, фразеологизма, произведений детского фольклора (в словарь включены также дразнилки, потешки, считалки и т.п.) представляется оптимальной для решения поставленной задачи, которой является «описание детства конкретной локальной традиции, отраженной в языке ее носителей, а также особенностей крестьянского мировидения» [1. С. 2]. Единственное, чего иногда не хватает читателю, – это алфавитный указатель, который в тематически организованном словаре помогает быстро найти нужную словарную статью, проверить наличие той или иной лексической или фразеологической единицы в словнике.

Или это специальный ход составителей? Листая словарь в поисках нужного слова, невольно заново прочитываешь запомнившиеся фрагменты, замечаешь то, что при первом прочтении ускользнуло от твоего внимания, и еще раз задумываешься об огромной ценности словаря как культурно-исторического, лингвоаксиологического, регионоведческого источника.

Нельзя не сказать и о педагогическом потенциале «Словаря детства». Увидеть весь период жизни человека от рождения до вступления во взрослую жизнь сквозь призму жизненного и языкового опыта носителя говоров – полезно учителю, воспитателю, студенту, который готовится стать педагогом. Можно рекомендовать словарь и для семейного чтения, традиции которого у нас почти утрачены. Возможно, в этом случае чужие голоса из прошлого разбудят интерес и к истории своей семьи и своей малой родины, заставят задуматься о настоящем и будущем наших детей, о том, как оно будет оцениваться, когда для кого-то станет прошлым.

Литература

1. *Словарь детства*: говоры Среднего Приобья (с лингвокультурологическим комментарием) / Н.А. Агапова, С.В. Волошина, Т.А. Демешкина и др. ; под ред. М.М. Угрюмовой. Томск : Изд-во Том. ун-та, 2018. 210 с.
2. *Нефедова Л.К.* Феномен детства в основных формах его репрезентации (философия, миф, фольклор, литература) : дис. ... д-ра филос. наук. Омск, 2005. 337 с.
3. *Комиссарова Т.Г.* Субъектно-объектный мир детства в языковой картине мира вологодского крестьянина // Севернорусские говоры. 2018. Вып. 17. С. 129–140.
4. *Комиссарова Т.Г.* «Мир детства» в языковом сознании вологодского крестьянина : ситуации рождения, крещения, болезни и смерти ребенка // Вестник Вологодского государственного университета. Серия: Исторические и филологические науки. 2019. № 1. С. 84–92.

Т.Г. Никитина

Children's World in the First Person. Book Review: Agapova, N.A. et al. (2018) *Slovar' Detstva: Govory Srednego Priob'ya (S Lingvokul'turologicheskim Kommentariem)* [Dictionary of Childhood: Dialects of the Middle Ob Region (With a Linguoculturological Commentary)]

Voprosy leksikografii – Russian Journal of Lexicography, 2021, 19, pp. 109–119. DOI: 10.17223/22274200/19/6

Tatiana G. Nikitina, Pskov State University (Pskov, Russian Federation). E-mail: cambala2007@yandex.ru

The dictionary is the first experience in presenting lexical and phraseological units related to the “children’s” sphere of traditional culture. The purpose of the dictionary is to describe the childhood of a specific local tradition reflected in the language of its speakers and the characteristics of the peasant worldview. The sources of the dictionary are recordings of live oral speech made during dialectological expeditions of the staff and students of the Faculty of Philology, Tomsk State University. The dictionary is intended for dialectologists, culturologists, ethnographers, historians, ethnographers, and those interested in folk speech culture.

References

1. Agapova, N.A. et al. (2018) *Slovar' detstva: govory Srednego Priob'ya (s lingvokul'turologicheskim kommentariem)* [Dictionary of Childhood: Dialects of the Middle Ob Region (With a Linguoculturological Commentary)]. Tomsk: Tomsk State University.
2. Nefedova, L.K. (2005) *Fenomen detstva v osnovnykh formakh ego reprezentatsii (filosofiya, mif, fol'klor, literatura)* [The phenomenon of childhood in the main forms of its presentation (philosophy, myth, folklore, literature)]. Philosophy Dr. Diss. Omsk.

3. Komissarova, T.G. (2018) Subjective-Objective “World of Childhood” in the Language World Picture of the Vologda Peasant. *Severnorusskie govory – Northern Russian Dialects*. 17. pp. 129–140. (In Russian).

4. Komissarova, T.G. (2019) “World of Childhood” in the Linguistic Consciousness of Vologda Peasants: Birth, Christening, Sickness and Death of Child. *Vestnik Vologodskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Istoricheskie i filologicheskie nauki – Bulletin of Vologda State University. Series History and Philology*. 1. pp. 84–92. (In Russian).